

ДИСТРИБУЦИЯ ЛЁГКИХ ГЛАГОЛОВ KEÄŠ ‘УЙТИ’ И KOLTAŠ ‘ПОСЛАТЬ’ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф. В. Голосов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Эта статья посвящена проблеме дистрибуции лёгких глаголов *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’. В статье подробно доказывается, что выбор лёгкого глагола определяется синтаксическим статусом субъекта лексического глагола.

Ключевые слова: лёгкие глаголы, теория неаккузативности.

DISTRIBUTION OF LIGHT VERBS KEÄŠ ‘TO GO’ AND KOLTAŠ ‘TO SEND’ IN HILL MARI

Theodore Golosov

National Research University Higher School of Economics

This article is dedicated to the problem of the distribution of light verbs *keäš* ‘to go’ and *koltaš* ‘to send’. It is argued that light verb selection is defined by the syntactical status of the subject of the lexical verb.

Keywords: light verbs, unaccusativity theory.

1. Введение

Наша статья посвящена распределению лёгких глаголов *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’ в горномарийском языке. Лёгкими глаголами мы называем вершины сложных глагольных конструкций, которые управляют лексическим глаголом в форме деепричастия и некоторым образом модифицируют его грамматическую и/или семантическую структуру (подробнее о таких конструкциях в горномарийском см. [Bradley 2016]). Так, в примере (1) глагол *keäš* ‘уйти’ используется в качестве полнозначного лексического глагола, а в примере (2b) — в качестве лёгкого глагола (в данном случае он модифицирует структуру события глагола *amalaš* ‘спать’, превращая его в сложный предикат *amalân keäš* ‘уснуть’):

- (1) *pi opt-alal-ân ke-š-∅*
 собака лаять-АТТ-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Собака ушла, полаяв.’

- (2) a. *tädä amal-ân-∅*
 тот спать-PRF-3SG
 ‘Он спал / *уснул.’

- b. *tädä amal-ân ke-š-∅*
 тот спать-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Он уснул / *спал.’

Как было показано в [Голосов, в печати], лёгкие глаголы *keäš* ‘уйти’ и *koltaš* ‘послать’ грамматикализовались в телисизаторы, то есть они вводят или специфицируют предельную интерпретацию в структуре события лексического глагола. Поскольку подробное доказательство телисизирующей функции рассматриваемых лёгких глаголов приведено в [ibid], приведём лишь по паре примеров для демонстрации телисизирующей функции:

- (3) a. *pört väs minut / *minut-âštâ jâl-en-∅*
 дом 5 минута минута-IN гореть-PRF-3SG
 ‘Дом горел 5 минут / *сгорел за 5 минут.’

- b. *pört väs *minut / minut-âštâ jâl-en ke-š-∅*
 дом 5 минута минута-IN гореть-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Дом сгорел за 5 минут / *горел 5 минут.’

(4) a. *tädä lemä-m lu minut / *minut-äštä kačk-än-Ø*
 тот суп-ACC 10 минута минута-IN есть-PRF-3SG
 ‘Он ел суп 10 минут / *съел суп за 10 минут.’

b. *tädä lemä-m lu *minut / minut-äštä kačk-än kolt-äš-Ø*
 тот суп-ACC 10 минута минута-IN есть-CVB послать-AOR-3SG
 ‘Он съел суп за 10 минут / *ел суп 10 минут.’

Так, глаголы *jälaš* ‘гореть’ и *kačkaš* ‘есть’ не могут описать ситуацию достижения предела — для этого каждому из них нужен лёгкий глагол. При этом с точки зрения грамматической семантики никакой разницы между *keäš* и *koltaš* обнаружено не было: оба лёгких глагола являются простыми телесизаторами и не вводят никаких обязательных оттенков значения. Однако интересно, что в большинстве случаев употребления *keäš* и *koltaš* находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то есть с каждым конкретным лексическим глаголом сочетается либо один, либо другой глагол, но почти никогда — оба сразу.

В статье [Голосов, в печати] предлагается семантическая теория, которая способна объяснить распределение лёгких глаголов лишь до определённой степени. В той же самой статье приводятся контексты, в которых семантическое распределение работает неточно. Цель настоящей статьи — предложить теорию, объясняющую дистрибуцию лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* с большей предсказательной силой.

На горномарийском языке говорят около двадцати трёх тысяч человек, в основном проживающих в Горномарийском районе республики Марий Эл, на её юго-западе, на границе с Нижегородской областью и Чувашией. Вместе с близкородственным луговомарийским (преобладающим в остальных тринадцати районах Марий Эл) он входит в марийскую группу финно-угорской семьи языков.

Данные, на которых основана эта статья, были собраны в ходе совместных экспедиций 2017-2018 гг. отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова и школы лингвистики НИУ ВШЭ в село Микряково Горномарийского района республики Марий Эл. Мы выражаем огромную благодарность информантам, согласившимся с нами работать.

Статья будет построена следующим образом. В разделе 2 мы разберём предложенную в [Голосов, в печати] семантическую теорию распределения лёгких глаголов и укажем на её недостатки. В разделе 3 мы введём базовые понятия и инструментарий Теории неаккузативности, чтобы в разделе 4

использовать её достижения для более точного объяснения распределения лёгких глаголов *koltaš* и *keäš*. Раздел 5 будет посвящён основным выводам настоящей статьи.

2. Семантическая теория распределения¹

Согласно [Голосов, в печати], дистрибуция глагола *keäš* ограничена моновалентными предикатами с семантической ролью пациенса, а с остальными глаголами (в частности, с переходными) сочетается глагол *koltaš*:

(5) *pört vəc minut-äštä oxär-än ke-š-Ø / *kolt-äš-Ø*
 дом 5 минут-IN пустеть-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Дом опустел за 5 минут.’

(6) *tädä vedrä-m čäm-al-Ø *ke-š-Ø / kolt-äš-Ø*
 тот ведро-ACC пинать-ATT-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Он пнул ведро.’

В частности, именно *koltaš*, а не *keäš*, сочетается с глаголами перемещения объекта в пространстве как акциональный модификатор:

(7) *vas'a kâdal-Ø kolt-äš-Ø*
 Вася уезжать-CVB послать-AOR-3SG
 ‘Вася уехал.’

Глагол *keäš* тоже может сочетаться с глаголами перемещения объекта, но не в качестве лёгкого глагола, а как маркер директива со значением «отдаление от дейктического центра», выделяемым в [Bradley 2016]:

(8) *anžâ, mašinä mändär-kä kâdal-Ø ke-ä*
 смотреть.IMP.SG машина далеко-ILL уезжать-CVB уйти-NPST.3SG
 ‘Смотри, машина уезжает вдаль.’

Заметим, что глагол *keäš* в директивной функции отличается от телисизатора *keäš* набором акциональных интерпретаций. Как показывает пример (8), сложный глагол *kâdal keäš* имеет длительную интерпретацию, которая проявляется в том, что форма непрошедшего времени может отсылать к ситуации в настоящем. Сложные глаголы с телисизирующим *keäš* такой интерпретации лишены:

¹ Данный раздел представляет из себя несколько переработанный отрывок из статьи [Голосов, в печати].

- (9) *tädä amal-ân ke-ä*
 тот спать-CVB уйти-NPST.3SG
 1. ‘Он уснёт.’
 2. #‘Он засыпает.’
 3. #‘Он спит.’

Моновалентные экспериенциальные предикаты сочетаются с *koltaš*, а не с *keäš*:

- (10) *tädä sâlâk-lan-en kolt-âš-∅ / *ke-š-∅*
 тот грусть-VBZ-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Он загрустил.’

Чувствительность телисизаторов *keäš* и *koltaš* к набору семантических ролей актанта можно продемонстрировать на примере глагола *kâlmaš* ‘мёрзнуть’. В своём экспериенциальном значении ‘испытывать дискомфорт от чрезмерно низкой температуры’ он сочетается только с глаголом *koltaš*, а в пассивном значении ‘обледенеть, физически измениться под воздействием низкой температуры’ — только с глаголом *keäš*:

- (11) *väd kâlmen ke-š-∅ / *kolt-âš-∅*
 вода замерзнуть-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Вода замёрзла.’

- (12) *män' kâlm-en kolt-âš-âtm / ??ke-š-em*
 я замерзнуть-CVB послать-AOR-1SG уйти-AOR-1SG
 ‘Я замёрз.’

Таким образом, на первый взгляд распределение лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* можно объяснить семантическими ролями субъектов: *keäš* сочетается с моновалентными пассивными предикатами, а *koltaš* — со всеми остальными. Такое объяснение распределения всегда делает верные предсказания, но оно не предсказывает некоторые случаи нарушения дополнительной дистрибуции.

В горномарийском языке есть суффикс инхоатива *-em*, который образует моновалентные предикаты от адъективных основ со значением ‘становиться X’, где X — свойство, описываемое производящей основой [Дьячков 2017]. Абсолютное большинство инхоативов на *-em* приписывает своему единственному аргументу семантическую роль Пациенса: *šitemäš* ‘становиться чёрным’, *kätäkemäš* ‘становиться короче’ и т.д. Закономерно с такими глаголами сочетается телисизатор *keäš* и не сочетается — *koltaš*:

- (13) *tädä kuž-em-∅ ke-š-∅*
 тот длинный-INCH-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Он стал длиннее.’

Интересными с точки зрения анализа оказываются те относительно редкие случаи, когда суффикс *-em* образует глагол с единственным актантом-Экспериенцером. В таких случаях становится допустим *koltaš*, но, что важнее, не становится недопустим *keäš*:

- (14) *tädä susu-em-∅ ^{ok}ke-š-∅ / kolt-äš-∅*
 тот рад-INCH-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Он загрустил.’

Ещё одна группа глаголов, среди которых некоторые могут сочетаться с обоими телисизаторами — это детранзитивы на *-alt*. Поскольку в ходе детранзитивизации субъектом становится Пациент исходного глагола, такие глаголы сочетаются с *keäš*:

- (15) *tädä tãgãrã-m kãšked-ãn-∅*
 тот рубашка-ACC рвать-PREF-3SG
 ‘Он порвал рубашку.’

- (16) *tãgãr kãšked-ãlt-∅ ke-š-∅ / *kolt-äš-∅*
 рубашка рвать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Рубашка порвалась.’

Однако в тех случаях, когда субъектом детранзитива становится Экспериенцер, возможно употребление и *keäš*, и *koltaš*:

- (17) *vas'a obižaj-alt-∅ ke-š-∅ / kolt-äš-∅*
 Вася обижать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Вася обиделся.’

Итак, проблема семантического анализа очевидна: как объяснить сочетаемость лёгкого глагола *keäš* с экспериенциальными детранзитивами на *-alt* и инхотативами на *-em*? Существует ли теория, способная решить эту проблему и при этом наследующая все преимущества семантической модели?

Мы предлагаем анализировать горномарийские данные в рамках теории неаккузативности [Levin, Rapoport Novav 1995]. Можно выдвинуть гипотезу, что распределение глаголов *keäš* и *koltaš* определяется не столько набором семантических ролей и их качеством, сколько синтаксическими свойствами аргументов глагола.

В пользу этого говорит прежде всего сочетаемость *keäš* с детранзитивами на *-alt*, не зависящая от семантической роли итогового субъекта. Так, глагол *obižajaltaš* ‘обижаться’, образованный от переходного *obižajaš* ‘обижать’, сочетается и с *keäš*, и с *koltaš*, хотя с семантической точки зрения его субъект имеет семантическую роль экспериенцера.

В разделе 3 мы дадим подробное описание базовых принципов теории неаккузативности, на которых мы будем основывать дальнейшие теоретические построения.

3. Теория неаккузативности

Теория неаккузативности (в данном случае мы следуем теории, которой придерживаются авторы работы [Levin, Rappaport Hovav 1995]) разделяет непереходные глаголы на 2 группы: **неаккузативные** (такие непереходные глаголы, у которых подлежащее по своим синтаксическим свойствам напоминает дополнение переходного глагола) и **неэргативные** (такие непереходные глаголы, у которых подлежащее по своим синтаксическим свойствам напоминает подлежащее переходного глагола). Так, например, в английском языке неаккузативные глаголы могут участвовать в т.н. локативной инверсии, а неэргативные — нет:

(18) In the garden stood a statue.

‘В саду стояла статуя.’

(19) *In the garden worked a gardener.

Ожидаемое значение: ‘В саду работал садовник.’

Теория неаккузативности утверждает, что разница в синтаксическом поведении неаккузативных и неэргативных глаголов объясняется различным синтаксическим статусом их единственного аргумента. Так, они занимают разное положение в глагольной группе (VP): субъект неэргативного глагола занимает позицию спецификатора, а субъект неаккузативного глагола — позицию комплемента. Далее в ходе синтаксической деривации субъект как неэргативного, так и неаккузативного глагола переносится в позицию спецификатора группы TP — то есть позиции подлежащего клаузы — и получает там именительный падеж, что объясняет одинаковое маркирование субъектов.

Синтаксическая позиция субъекта неаккузативного глагола (комплемента в глагольной группе (VP)) структурно тождественна синтаксической

позиции объекта глагола переходного. Такое структурное тождество аргументов действительно обоснованно. Помимо теста на локативную инверсию, в котором субъект неаккузативного глагола стоит в том же месте, где и объект переходного глагола, синтаксическое сходство рассматриваемых аргументов можно усмотреть и в образовании пассивных причастий в английском языке:

- (20) eaten apples
'съеденные яблоки'
- (21) fallen leaves
'упавшие листья'
- (22) *worked people
Ожидаемое значение: 'работающие люди'

Как можно заметить, вершиной пассивного причастия могут выступать и субъект неаккузативного глагола, и объект переходного глагола, но не субъект неэргативного глагола.

Немного более релевантным для нашего исследования оказывается другой тест на неаккузативность / неэргативность, а именно сочетаемость лексических глаголов со связками. Так, например, во французском языке при образовании перфекта неаккузативные глаголы сочетаются с глаголом *être* 'быть', а неэргативные — с глаголом *avoir* 'иметь' (примеры взяты из [Лютикова 2007]):

- (23) a. Marie est morte en misère.
'Мари умерла в нищете.'
- b. Marie a beaucoup travaillé.
'Мари много работала.'

При этом пассивный перфект образуется так же, как и перфект глаголов неаккузативных — с помощью глагола *être* 'быть':

- (24) a. Marie a vendu ce livre.
'Мари продала эту книгу.'
- b. Ce livre est vendu.
'Эта книга продана.'

Именно дистрибуция глаголов *être* и *avoir*, определяющаяся синтаксическим статусом аргумента глагола, навела нас на следующую мысль: распределение лёгких глаголов-телисизаторов *keäš* и *koltaš* также основано на принадлежности лексического глагола к неаккузативному / неэргативному классу.

Чтобы определить, какие именно глаголы окажутся неаккузативными, а какие — неэргативными, в работе [Levin, Rappaport Hovav 1995] были введены **linking rules** (общепринятого перевода этого термина на русский нет, с некоторой долей условности можно использовать термин **правила отображения**). Правила отображения — это такие семантические правила, которые предсказывают структурный тип аргумента глагола, подпадающий под их сферу действия.

В работе [Levin, Rappaport Hovav 1995] приводятся 4 таких правила:

- (25) **Правило непосредственной причины**²: аргумент глагола, обозначающий непосредственную причину события, описанного глаголом, является его внешним аргументом (далее обозначается как IC — immediate cause).
- (26) **Правило направленного изменения**³: аргумент глагола, соответствующий сущности, претерпевающей направленное изменение, описываемое глаголом, является его прямым внутренним аргументом (далее обозначается как DC — directed change).
- (27) **Правило существования**⁴: аргумент глагола, чьё существование утверждается или отрицается, является его прямым внутренним аргументом (далее обозначается как E).
- (28) **Дефолтное правило**⁵: аргумент глагола, не попадающий в сферу действия двух предыдущих правил, является его внутренним аргументом (далее обозначается как Z).

² **Immediate Cause Linking Rule**: The argument of a verb that denotes the immediate cause of the eventuality described by that verb is its external argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 135].

³ **Directed Change Linking Rule**: The argument of a verb that corresponds to the entity undergoing the directed change described by that verb is its direct internal argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 146].

⁴ **Existence Linking Rule (revised)**: The argument of a verb whose existence is asserted or denied is its direct internal argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 153].

⁵ **Default Linking Rule**: An argument of a verb that does not fall under the scope of any of the other linking rules is its direct internal argument. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 154].

Рассмотрим каждое из правил подробнее. Правило IC включает в свою сферу действия моновалентные глаголы, аргумент которых является непосредственным каузатором действия. Таким образом, в сферу действия правила IC по умолчанию попадают агентивные предикаты, а также глаголы эмиссии, где участник является хоть и не контролирующим, но всё же непосредственным каузатором действия. В качестве демонстрации неэргативной природы данных глаголов приведём примеры с английской конструкцией *X's way*. Согласно работе [Levin, Rappaport Hovav 1995], сочетаемость непереходного глагола с конструкцией *X's way* выявляет его неэргативную природу, поскольку является своего рода дополнением, а неаккузативы не способны приписывать аккузатив:

- (29) Three dozen Hare Krishnas danced and sang their way through Gorky Park on Sunday ... [Levin, Rappaport Hovav 1995: 137]
'Тридцать шесть харе кришн танцевали и пели, гуляя по парку Горького в воскресенье.'
- (30) At Victoria Falls the Zambezi is rife with tumult, boiling and bubbling its way through basalt gorges ... [Levin, Rappaport Hovav 1995: 139]
'У водопада Виктория Замбези преисполнена грохотом, кипя и пузырясь на своём пути сквозь базальтовые ущелья.'

Правило DC включает в свою сферу действия пациентивные предикаты (поскольку актант таких предикатов, пациенс, терпит направленное изменение физического состояния) и глаголы направленного перемещения (поскольку направленно изменяется параметр местонахождения объекта). Таким образом, пациентивные глаголы и глаголы направленного перемещения относятся к классу неаккузативных глаголов, что можно показать на примере того же теста с конструкцией *X's way*:

- (31) *The oil rose its way to the top. [Levin, Rappaport Hovav 1995: 148]
- (32) *The ice melted its way to the bottom.

Правило E определяет глаголы существования в класс неаккузативных. Так, например, они не проходят всё тот же тест на сочетаемость с конструкцией *X's way*:

- (33) a. *Andrea appeared her way to fame.
[Levin, Rappaport Hovav 1995: 149]

b. *The explosions occurred their way onto the front page.

[Levin, Rappaport Hovav 1995: 149]

Дефолтное правило (оно же правило Z) относит глаголы, не попавшие в сферу действия остальных правил, к классу неаккузативных. Так, глаголы ненаправленного перемещения, актанты которых — неагентивные участники, не попадая ни под одно из остальных связывающих правил, не сочетаются с конструкцией *X's way*:

(34) a. *The pebbles rolled their way into the stream.

b. *The ball bounced its way into the street.

Как показано в работе [Levin, Rappaport Hovav 1995], для английского языка эти правила действуют согласно следующей иерархии: DC, E > IC > Z. Так, глаголы направленного перемещения, единственный аргумент которых реферирует к каузатору действия, (например, *stand up* 'встать') оказываются неаккузативными, это можно показать тестом на каузативную альтернативу:

(35) Children stood up.

'Дети встали.'

(36) Teacher stood the children up.

'Учитель заставил детей встать.'

Примеры (35)–(36) показывают, что правило DC доминирует над правилом IC: направленное изменение положения детей оказывается более важным фактором, чем их контроль над этим действием. Доминирование же правила E над правилом IC можно продемонстрировать на примере локативной инверсии:

(37) There remained three people in the library.

'В библиотеке осталось три человека.'

Несмотря на то, что люди лично приняли решение остаться, то есть сами послужили непосредственной причиной описываемой ситуации, глагол допускает локативную инверсию, допустимую лишь при неаккузативном глаголе.

Таким образом, английские данные предлагают следующую шкалу связывающих правил: DC, E > IC > Z. Авторы работы [Levin, Rappaport Hovav 1995] склонны считать такую шкалу универсальной. Тем не менее, например, в работе [Arkadiev 2008] показано, что существуют языки, во-первых, с другой иерархией связывающих правил, во-вторых — с другой направленностью этих правил (тип аргумента, который присваивает правило, может быть разным в разных языках). Тем не менее, релевантность самих правил подтверждается на довольно большой выборке языков.

В следующем разделе мы предложим анализ дистрибуции горномарийских лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* в рамках теории неаккузативности и, в частности, ответим на вопрос, в каком виде правила отображения работают в горномарийском языке.

4. Объяснение дистрибуции лёгких глаголов в рамках Теории неаккузативности

Главное преимущество анализа в рамках Теории неаккузативности над анализом в рамках синтаксических ролей состоит в том, что он объясняет, откуда у детранзитивов на *-alt* типа *obižajaltaš* ‘обидеться’ появляется способность сочетаться с *keäš*. Абстрагированная семантическая модель, определяющая сочетаемость глагола *keäš* с моновалентными предикатами с семантической ролью пациенса, в данном случае терпит крах: семантическая роль субъекта у глагола *obižajaltaš* — не пациенс, а экспериенцер. Теория неаккузативности же даёт следующее объяснение: объект переходного глагола синтаксически тождествен субъекту неаккузативного глагола, поэтому такой процесс, как детранзитивизация, удаляя внешний аргумент и возводя внутренний аргумент в позицию спецификатора группы TP, позволяет полученному глаголу сочетаться с телисизатором *keäš*. Проще говоря, лёгкий глагол *keäš* ‘уходить’ реагирует не просто на семантическую роль субъекта, а на его глубинную синтаксическую позицию — и если это комплемент VP, то сочетается с таким глаголом.

С точки зрения правил отображения горномарийский как раз является примером языка, в котором эти правила действуют, но с другой иерархией и (в одном случае) с другим типом аргумента на выходе.

Тем не менее, начнём со сходств с английской системой. Так же, как и в английском, в горномарийском правило DC определяет аргумент как внутренний, в связи с чем предикаты неконтролируемого изменения состояния оказываются неаккузативными:

(38) *i šāl-en ke-š-∅ / *kolt-āš-∅*
 лёд таять-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Лёд растаял.’

(39) *pört oxār-ān ke-š-∅ / *kolt-āš-∅*
 дом пустеть-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Дом опустел.’

Правило IC в горномарийском также идентично английскому, поскольку присваивает аргументу статус внешнего:

(40) *vas'a lü-en kolt-āš-∅ / *ke-š-∅*
 Вася стрелять-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Вася выстрелил.’

(41) *pi opt-alt-∅ kolt-āš-∅ / *ke-š-∅*
 собака лаять-ATT-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Собака гавкнула.’

Наконец, правило E также, как и в английском, определяет глаголы существования как неаккузативные:

(42) *kornā-štā imnieškā kaj-en *kolt-āš-∅ / ke-š-∅*
 дорога-IN всадник казаться-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘На дороге показался всадник.’

Теперь перейдём к различиям. Прежде всего, как мы уже отмечали ранее, в горномарийском правила отображения образуют иерархию, отличную от английской. Так, правило IC оказывается доминирующим над DC, поскольку в горномарийском языке с глаголами контролируемого направленного перемещения сочетается глагол *koltaš*, а с глаголами неконтролируемого направленного действия — *keāš*:

(43) *vas'a šagal-∅ kolt-āš-∅ / *ke-š-∅*
 Вася встать-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
 ‘Вася встал (решил подняться).’

(44) *vas'a kān'āl-∅ ke-š-∅ / *kolt-āš-∅*
 Вася встать-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Вася встал (внезапно, с испуга).’

Правило E в горномарийском языке оказывается доминирующим над IC, поскольку распределяет глаголы существования в класс неаккузативных:

- (45) *volšebn'ik* *čever-ən* *mən-ən*
 волшебник прощаться-CVB говорить-CVB
- jam-ən-∅* *ke-š-∅* / **kolt-əš-∅*
 исчезать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
- ‘Волшебник попрощался и исчез.’

Так, в примере (45) волшебник исчезает по своей воле, то есть является каузатором действия, но глагол для описания ситуации выбирается неаккузативный, что показывает нам доминирование правила E над правилом IC.

Кроме того, дефолтное правило горномарийского языка определяет не внутренний, а внешний аргумент глагола. Так, например, глаголы ненаправленного неволитивного движения, не попадающие ни под одно из остальных правил, сочетаются только с глаголом *koltaš*:

- (46) *poezd* *tärvän-ən* *kolt-əš-∅* / **ke-š-∅*
 поезд тронуться-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
- ‘Поезд тронулся.’
- (47) *vəd* *jog-en* *kolt-əš-∅* / *#ke-š-∅*
 вода литься-CVB послать-AOR-3SG уйти-AOR-3SG
- ‘Вода вылилась.’

Таким образом, можно заключить, что *linking rules* для горномарийского языка выглядят следующим образом:

- (48) **Правило непосредственной причины:** аргумент глагола, обозначающий непосредственную причину события, описанного глаголом, является его внешним аргументом. (IC)
- (49) **Правило направленного изменения:** аргумент глагола, соответствующий сущности, претерпевающей направленное изменение, описываемое глаголом, является его прямым внутренним аргументом. (DC)
- (50) **Правило существования:** аргумент глагола, чьё существование утверждается или отрицается, является его прямым внутренним аргументом. (E)
- (51) **Дефолтное правило:** аргумент глагола, не попадающий в сферу действия двух предыдущих правил, является его внешним аргументом. (Z)
- (52) Иерархия правил: E > IC > DC > Z

Обратим внимание, что объяснение распределения лёгких глаголов *keäš* и *koltaš* через правила отображения, в отличие от объяснения через семантические роли, предсказывает сочетаемость экспериенциальных инхоативов на *-em* с *keäš*, поскольку инхоативы, образованные по модели ‘становиться X’, обозначают направленное изменение параметра X и таким образом оказываются неаккузативными:

- (53) *vas'a kok cäs-äštä susu-em-∅ ke-š-∅*
 Вася 2 час-IN радость-INCH-CVB уйти-AOR-3SG
 ‘Вася за 2 часа стал радостнее.’

Почему же с такими предикатами возможен и *koltaš*? Прежде всего стоит отметить, что в сочетании с экспериенциальными инхоативами типа *susuetaš* ‘стать радостней’ лёгкий глагол *keäš* всегда оказывается предпочтительным вариантом. Во-первых, при элицитации первой реакцией информанты выдают предложения с *keäš* и сами оценивают этот вариант как более частотный. Во-вторых, косвенным свидетельством предпочтительности *keäš* оказывается озвончение начального *k*: информанты произносят сложный глагол *susem keäš* ‘стать радостней’ как *susuem geäš*. При образовании же сложного глагола *susuem koltaš* ‘стать радостным’ аналогичного озвончения не происходит, притом, что в более типичных для лёгкого глагола *koltaš* оно совершенно закономерно: например, сложный глагол *ken koltaš* ‘уйти’ произносится как *ken goltaš*. Озвончение начального согласного вершинного глагола после суффикса деепричастия — свойство, характерное исключительно для лёгких глаголов: такого не происходит в случае сочетания двух лексических глаголов.

Сочетаемость экспериенциальных инхоативов с *koltaš*, по-видимому, можно объяснить через альтернативную интерпретацию изменения состояния, описываемую лексическим глаголом: не как направленное изменение состояния, а как моментальное вхождение в устойчивое состояние ‘быть грустным’.

Прейдём к последнему проблематичному контексту — детранзитивам на *-alt*. Согласно [Жорник 2016], горномарийский суффикс *-alt* может образовывать, в частности, декаузативы, пассивы, автокаузативы, рефлексивы и реципроки (терминология наследуется из [Плунгян 2011]).

С точки зрения сочетаемости с лёгкими глаголами следует в первую очередь выделить рефлексивные и реципрокальные дериваты на *-alt*: особенность их поведения заключается в том, что они не сочетаются ни с *keäš*, ни с *koltaš*.

- (54) **vas'a mǎšk-ǎlt-∅ ke-š-∅ / kolt-ǎš-∅*
 Вася мыть-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 Ожидаемое значение: 'Вася помылся.'

- (55) **tǎng-vlä zdorovoj-ǎlt-∅ kevǎ / kolt-evǎ*
 друг-PL приветствовать-DETR-CVB уйти.AOR.3PL послать-AOR.3PL
 Ожидаемое значение: 'Друзья поздоровались.'

Остальные дериваты на *-alt* ведут себя следующим образом. Прежде всего, любой детранзитив на *-alt*, не являющийся ни рефлексивом, ни реципроком, сочетается с *keǎš*. Сочетаемость с *koltaš* определяется правилами отображения, то есть он возможен в тех случаях, когда субъект детранзитива попадает в сферу действия правил IC или Z.

Таким образом, если детранзитив не является ни рефлексивом, ни реципроком и при этом его субъект попадает в сферу действия правила IC (то есть является непосредственной причиной, каузатором ситуации, описываемой глаголом), то такой глагол может сочетаться с обоими лёгкими глаголами:

- (56) *vas'a kǎm-ǎkt-ǎlt-∅ ke-š-∅ / kolt-ǎš-∅*
 Вася клониться-CAUS-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 'Вася наклонился.'

Заметим, что в примере (56) суффикс *-alt* имеет автокаузативное, а не рефлексивное значение. Согласно [Плунгян 2011], рефлексивом называется такая понижающая актантная деривация, при которой агентивный и пациентивный участник совпадают, но событийная структура при этом не меняется (сравните русские *мыться* и *мыть себя*, которые семантически идентичны). Автокаузатив же — это такая понижающая деривация, в которой объект приобретает свойства каузатора и становится инициатором описываемой ситуации, и отдельного события каузации нет, поэтому структура события переходного глагола и автокаузатива от него не тождественны (так, например, *наклониться* не значит *наклонить себя*).

Если субъект детранзитива подпадает под сферу действия правила DC, то есть претерпевает изменение состояния, такой глагол сочетается только с *keǎš*:

- (57) *tǎgǎr kǎšked-ǎlt-∅ ke-š-∅ / *kolt-ǎš-∅*
 рубашка рвать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 'Рубашка порвалась.'

Наконец, если субъект детранзитива не подпадает ни под действие правила IC, ни под действие правила DC, то есть ни терпит направленное изменение состояния, ни является каузатором события, то с таким глаголом сочетаются оба телисизатора — *koltaš* по дефолтному правилу и *keäš* как с декаузативом:

- (58) *püšängä* *lāpš-alt-∅* *ke-š-∅* / *kolt-āš-∅*
 дерево качать-DETR-CVB уйти-AOR-3SG послать-AOR-3SG
 ‘Дерево качнулось.’

5. Заключение

Итак, как мы постарались доказать, Теория неаккузативности справляется с задачей объяснения дистрибуции лёгких глаголов *koltaš* и *keäš* лучше, чем теория, базирующаяся на семантических ролях. Лёгкий глагол *keäš* сочетается с неаккузативными глаголами, состав которых определяется правилами DC (49) и E (50), и — дополнительно — со всеми детранзитивами на *-alt*, кроме рефлексивов и реципроков. Лёгкий глагол *koltaš* сочетается с неэргативными глаголами, состав которых определяется правилами IC (48) и Z (51), а также с переходными глаголами.

Тем не менее, некоторые проблемы пока остались нерешёнными. Прежде всего, непонятно, как именно устроен синтаксис детранзитивов на *-alt*, коль скоро некоторые из них сочетаются с обоими телисизаторами. Нам кажется перспективным подход, обращённый к структуре события, который использует Джиллиан Рэмченд при анализе бенгальских сложных предикатов в [Ramchand 2008].

Условные обозначения и сокращения

1,2,3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AOR — аорист; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DETR — детранзитив; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инэссив; INCH — инхоатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PRF — перфект; SG — единственное число; VBZ — вербализатор.

Литература

Голосов, в печати — Голосов Ф.В. Лёгкие глаголы-телисизаторы горномарийского языка: грамматическая семантика и дистрибуция // Acta Linguistica Petropolitana. В печати. [Golosov F.V. Legkie glagoly-telisizatory gornomariiskogo yazyka: grammaticeskaya semantika i distributsiya [Telicizing light verbs in Hill Mari: Semantics and distribution]. Acta Linguistica Petropolitana. In press.]

- Дьячков 2017 — Дьячков В.В. Деадъективные глаголы в горномарийском языке: словообразование и семантика // Урало-алтайские исследования №4 (27). Москва: Институт языкознания РАН, 2017. С. 7–22. [Dyachkov V.V. Dead"ektivnye glagoly v gornomariiskom yazyke: slovoobrazovanie i semantika [Deadjectival verbs in the Hill Mari language: Derivation and semantics]. Uralo-altaiskie issledovaniya №4 (27). Moscow: Institute of linguistics, RAS, 2017. P. 7–22.]
- Жорник 2016 — Жорник Д.О. Деривация на *-alt* в горномарийском языке. Экспедиционный отчёт, рукопись, 2016. [Zhornik D.O. Derivatsiya na *-alt* v gornomariiskom yazyke [Derivation in *-alt* in Hill Mary]. Fieldwork materials, ms, 2016.]
- Лютикова 2007 — Лютикова Е.А. Гипотеза неаккузативности. Хэндаут к курсу «Общий синтаксис», читаемому на Отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ, URL: http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/syntax/06_Neakkuzativnost.pdf [Lyutikova E.A. Gipoteza neakkuzativnosti [Unaccusativity theory]. Handout for the general syntax course at the department of theoretical and applied linguistics, Lomonosov Moscow State University.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [The introduction into grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011]
- Arkadiev 2008 — Arkadiev P.M. Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages. Donohue M., Wichmann S. (eds.). The typology of semantic alignment, Oxford University Press, 2008. P. 101–117.
- Bradley 2016 — Bradley J. Mari Converb Constructions: Productivity and regional variance. Doctoral thesis. Wien: Universität Wien, 2016.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — Levin B., Rappaport Hovav M. Unaccusativity: At the syntactico-lexical semantics interface. Linguistic Inquiry, Vol. 26. Cambridge: MIT press, 1995.
- Ramchand 2008 — Ramchand G. Lexical items in complex predications: Selection as underassociation. Nordlyd. 2008. Vol. 35, №. 1.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018

The article was received on 20.11.2018

Фёдор Валентинович Голосов

студент 4-го курса бакалавриата, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Theodore V. Golosov

4th year B.A. student, National Research University Higher School of Economics

glabgtodor@mail.ru